

Источник: *Коган Г. Ф.* Лекция Е. В. Тарле «Шекспир и Достоевский» // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1979. Т. 38. № 5. С. 477—484.

**СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА
ТОМ 38 • № 5 • 1979**

Г. Ф. КОГАН

ЛЕКЦИЯ Е. В. ТАРЛЕ «ШЕКСПИР И ДОСТОЕВСКИЙ»

С этой лекцией приват-доцент Киевского университета Е. В. Тарле выступил в 1900 г. в Русском Собрании в Варшаве.

Ее программу и отчет варшавского обозревателя о ней, помещенный в газете «Варшавский Дневник», он прислал Анне Григорьевне Достоевской из Варшавы в декабре 1900 г. «Посылаю Вам программу прочтенной мною лекции и отчет об этой лекции здешнего обозревателя, кое-где погрешившего против истины, но все же довольно правдивого. В особенности справедливо в его статье констатирование моего восторга и, даже как он выражается „культ“, с которым отношусь я к творениям Вашего мужа, которого, не колеблясь, считаю величайшим художником всемирной литературы». «Достоевский,— писал он А. Г. Достоевской,— открыл в человеческой душе такие пропасти и бездны, которые и для Шекспира и для Толстого остались закрытыми»¹.

Полный текст лекции Е. В. Тарле пока не найден. Он отказался от предложения журнала «Мир божий» напечатать ее: «... прямые задачи моей научной специальности (всеобщей истории) и другие причины вряд ли позволят мне в скором времени опубликовать что бы то ни было, относящееся к Федору Михайловичу: а черновиков, так сказать, своей работы, я печатать не нахожу возможным»,— писал он А. Г. Достоевской². В журнале «Мир божий» в 1906 г. была опубликована лишь статья Е. В. Тарле «Умственная жизнь в Англии от эпохи Возрождения до XIX столетия», в которой он, анализируя значение Шекспира для европейской литературы, утверждал, что именно «... Шекспир, благодаря своему совершенно исключительному таланту, открыл новые и широкие горизонты психологическому реализму, до него появлявшемуся лишь урывками»³. Как отмечает обозреватель «Варшавского Дневника», первая часть лекции Е. В. Тарле и была посвящена анализу состояния европейской литературы до Шекспира и затем от Шекспира до Достоевского. Но о Шекспире, как замечал обозреватель, говорилось в лекции очень немного, вся лекция была посвящена Достоевскому, и, заговорив о нем, «лектор утратил всякую объективность и вместо спокойствия внес в свою лекцию много страстности»⁴. Видимо, это указание в обозрении «Варшавского Дневника» на «явное пристрастие лектора к Достоевскому» Тарле и признал особенно справедливым. В обозрении отмечалось, что лекция Тарле слушалась с захватывающим интересом. Лектор горячо и талантливо доказывал, что «шекспировские заветы и традиции осуществил вполне только Достоевский, и за 250 лет, разделяющих этих писателей, не было никого, кто бы реализм и психологический анализ шекспировских произведений понял и оценил так хорошо, как Достоевский».

¹ Е. В. Тарле — А. Г. Достоевской. Варшава, 5 дек. 1900 г. Г. Б. Л.

² Е. В. Тарле — А. Г. Достоевской. 13 февр. 1901 г. Г. Б. Л., ф. 93, II, 9. 42.

³ «Мир божий». СПб., 1900, № 8, с. 105—106.

⁴ «Варшавский Дневник», 1900, 26 ноября, № 326.

Обозреватель «Варшавского Дневника», возмущавшийся тем, что лектор позволил себе поставить Достоевского выше Шекспира и выше Гоголя и всей русской и европейской литературы, считавший, что это вообще недопустимо, очень мало коснулся содержания лекции Е. В. Тарле. Ни в одном из архивов не удалось найти текста или черновиков ее, однако сохранившаяся в музее Достоевского, среди материалов из коллекции А. Г. Достоевской, программа дает представление о содержании лекции Тарле, намеревавшегося через несколько лет написать книгу о Достоевском — психологе и художнике:

**«Программа публичной лекции Е. В. Тарле
„Шекспир и Достоевский“⁵**

(из истории всемирной литературы)»

Введение. Значение и роль психологического реализма во всемирной литературе. Драмы Шекспира. Отличительные их черты. Изображение аффектов и страстей у Шекспира. Внутренняя правда и внешний реализм в его произведениях. Насыщенность слога. Можно ли ее назвать неестественною? Наблюдательность Шекспира и ее характер. Новые запросы и требования, предъявленные к художественной литературе после Шекспира частью европейской критики. Мнение о Шекспире Лессинга.

Общий очерк состояния художественной литературы на западе Европы и в России пред появлением Достоевского.

Шекспировские заветы и их судьба в Англии и Франции. Реализм в обрисовке житейских отношений и отсутствие психологического анализа. Мнение профессора психиатрии В. Ф. Чижа о строго научной ценности уже первых произведений Достоевского.

Общий характер творчества Достоевского. Внешняя хаотичность и нестройность его произведений. Разнообразие патологических типов. Преступление и постоянный интерес к нему у Достоевского. Разнохарактерность преступных организаций у Достоевского. Мнения криминалистов и психиатров (Ламброза, Кони, Чижа) о преступниках Достоевского. Нравственное помешательство в его изображении. Свидригайлов. Вырождение и наследственность. Братья Карамазовы. Эпилептики. «Идиот». Алкоголики. Мармеладов, генерал Иволгин.

Художественное изображение ненормальных состояний души.

Галлюцинации леди Макбет — и героев Достоевского; кто из этих двух художников правдивее изобразил галлюцинации по мнению современной медицинской науки. Ревность, гнев, любовь, жестокость, ненависть, честолюбие и пр. в изображениях Шекспира и Достоевского. Чем характеризуется шаг вперед, сделанный Достоевским в изображении страстей?

Общие выводы. Положение Шекспира и Достоевского в истории европейской литературы. Отсутствие заметного прогресса в психологическом реализме за 250 лет от Шекспира до начала деятельности Достоевского. Сходство и отличие в гении обоих писателей. Неизменность человеческих страстей и разнообразное обнаружение их в зависимости от большей или меньшей культурности среды. Относительная сложность жизни в начале XVII и во второй половине XIX в. Направление творческого интереса у Шекспира и у Достоевского. Отношение их к своим героям.

Влияние Достоевского в современной западно-европейской литературе.

Сравнение Достоевского с Шекспиром — «знатоком человеческого сердца» началось еще при его жизни, когда появились первые главы «Преступ-

⁵ Рукописный отдел Гослитмузея. О. Ф. 4829, л. 35. См. также «Библиографический указатель» А. Г. Достоевской. СПб., 1906, № 4068. МО архива АН СССР, ф. 627 (фонд. Е. В. Тарле).

ления и наказания»⁶; в 1870-х годах Достоевского современники прямо называли «учеником Шекспира»⁷. Сравнение с Шекспиром «таланта такого роста, как Достоевский», счел вполне правомерным Н. К. Михайловский, сопоставивший в своей знаменитой статье «Жестокий талант» «некоторые художественные приемы того и другого при разработке одной и той же темы»⁸.

В дальнейшем сопоставления Достоевского с Шекспиром делались многими критиками, писателями и философами. В исследованиях литературоведов давались своды высказываний Достоевского о Шекспире⁹, примеры многочисленных и нередко очень значительных реминисценций из шекспировских пьес в его произведениях¹⁰, выяснялось, какое место занимал Шекспир в творческом сознании Достоевского¹¹, анализировалось обращение Достоевского к Шекспиру в его творческих рукописях¹².

Но, пожалуй, первым, кто посвятил теме «Шекспир и Достоевский» специальное исследование, был Е. В. Тарле, поставивший задачу выявить шекспировские традиции в творчестве Достоевского не только в отдельных образах, но во всем художественном методе писателя. Этой темой он занялся задолго до юбилейных Шекспировских дней. Посылая А. Г. Достоевской программу лекции и рассказывая ей о замысле своей будущей книги о Достоевском, Тарле писал: «Я коснусь главным образом не той стороны его деятельности, которой касались Страхов, Орест Миллер, Аверкиев и т. д., не политических и религиозных его воззрений, но его художественного психологического изобразительного гения»¹³. Е. В. Тарле анализирует в творчестве Достоевского «все типы страстей, темпераментов, подвигов и преступлений... все разновидности людской психологии», представшие перед миром еще в вечных образах Шекспира, и старается установить тот «шаг вперед», который совершил Достоевский, особенно в изображении психологии преступления и «ненормального состояния душ».

По отчету обозревателя «Варшавского Дневника», в лекции доказывалось, что психологический анализ у Достоевского нравственно глубже, тоньше, значительнее, чем у Шекспира; что Шекспир только намечил некоторые преступные свойства человеческой души, а Достоевский развил и показал нам всю преступную душу наизнанку. Он сравнивал Яго со Свидригайловым, Макбетов со Свидригайловым и находил, что если у Шекспира только намечены некоторые моменты в развитии страсти или преступной воли, то у Достоевского это широкая картина, точная копия с натуры, целая лекция психиатрии... «Лектор превосходно объяснил наиболее выдающиеся типы Достоевского, как Раскольников, Свидригайлов, Смердяков, братья Карамазовы и др. У каждого из них была своя

⁶ «Современник», 1866, № 12, отд. II, с. 276.

⁷ Маркое Е. Критические беседы. IV. Романист-психиатр (по поводу сочинений Достоевского).— «Русская речь», 1879, № 6, с. 206.

⁸ «Отечественные записки», 1882, сентябрь, № 9. Современное обозрение, с. 114.

⁹ Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919, с. 93, 91. Небезынтересно, что еще 10-го апреля 1916 г., в ту пору, когда отмечалось 300-летие со дня смерти Шекспира, Л. П. Гроссман выступил в газете «Одесский листок» со статьей «Школа трагедии (Шекспир и Достоевский)».

¹⁰ См. в кн.: Шекспир и русская культура. Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.—Л., «Наука», 1965, с. 583, 584, 590—597, 4.

¹¹ Левин Ю. Д. Достоевский и Шекспир.— В кн.: Достоевский. Материалы и исследования, I. Л., «Наука», 1974, с. 108—134.

¹² Розенблюм Л. М. Творческая лаборатория Достоевского-романиста.— «Лит. наследство», т. 77. М., «Наука», 1965, с. 43.

¹³ Е. В. Тарле — А. Г. Достоевской. Варшава, 13 февр. 1900. Г. Б. Л. Имеется в виду первая биография Ф. М. Достоевского, изданная в 1883 г., где появились статьи Н. Н. Страхова и О. Миллера.*** См. «Материалы для жизнеописания Федора Михайлог

вича Достоевского».— В кн.: Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. I. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883.

* Исправленная опечатка. В тексте: призведениях.

** Исправленная опечатка. В тексте: В.Тарле.

*** Исправленная опечатка. В тексте: запятая.

особая болезнь, и Достоевским эти болезни описаны с такой поразительной верностью, что современные психиатры по его романам читают лекции»¹⁴.

В программе лекции названы имена известных психиатров и криминалистов.

Е. В. Тарле ссылается на мнение профессора психиатрии, доктора медицины В. Ф. Чижа «о строго научной ценности уже первых произведений Достоевского»¹⁵. В 1885 г. в Москве было опубликовано исследование В. Чижа «Достоевский как психопатолог». Это была первая попытка в русской психиатрической литературе объяснить мастерство Достоевского в изображении болезненных душевных явлений на основе последних данных современной психопатологии. Позднее появятся исследования Аменицкого, Баженова, Бехтерева¹⁶, но Тарле, несомненно, имел в виду указанное исследование В. Чижа, где отмечалось, что «Достоевский как в русской, так и во всемирной литературе представляет исключение не только по количеству сделанных им наблюдений, но и по верности и точности описания, достойных лучшего естествоиспытателя». Исследование В. Чижа Тарле мог иметь в виду и в той части своей лекции, где касался вопроса, кто из двух великих художников правдивее изобразил галлюцинации. Только Достоевский, по мнению В. Чижа, в отличие от многих поэтов, изображавших галлюцинации, и от Шекспира, описавшего галлюцинации леди Макбет, сумел представить галлюцинации не односторонне как результат какой-либо мысли или чувства, а как следствие всей психической организации героя, истории всей его жизни. Точность описания возникновения галлюцинаций В. Чиж отмечает в «Двойнике», «Господине Прохарчине», у Свидригайлова в «Преступлении и наказании». «Стоит прочесть, как рисует автор галлюцинации Ивана Карамазова, чтобы понять, что значит великий талант. Психиатр может читать эту главу как часть истории болезни, составленной умелой рукой»¹⁷.

В 1900 г. В. Чиж выступал с лекциями о Достоевском как криминологе почти одновременно с Е. В. Тарле¹⁸. Он указывал, что Достоевский дал в своих сочинениях обрисовку всех внешних типов преступников, установленных итальянской криминальной школой. В программе лекции Тарле названо имя Чезаре Ломброзо, не раз обращавшегося в своих исследованиях к сочинениям Достоевского. Отмечая гениальность Достоевского в описании тайн психоэпилептического приступа, он цитирует страницы романов Достоевского «Преступление и наказание», «Бесы». В 1887 г. в майском номере «Юридического вестника» (т. XXV) была опубликована (в русском переводе) статья Ломброзо «Преступность и эпилепсия», а в 1892 г. в Петербурге появилось его исследование «Новейшие успехи науки о преступнике», где анализировалась «совместность эпилепсии с врожденной преступностью» (одна из глав книги так и называется «Эпилептики и преступники»)¹⁹.

¹⁴ «Варшавский Дневник».

¹⁵ Чиж В. Достоевский как психопатолог. М., 1885.

¹⁶ Аменицкий Д. Л. Эпилепсия в творческом освещении Ф. М. Достоевского.— В кн.: Памяти Петра Борисовича Ганнушкина (сб. статей). М.—Л., Биомедгиз, 1934; *его же*. Психопатические типы в «Братьях Карамазовых».— В кн.: Профессору Н. П. Бруханскому (20 лет психиатрической работы). Проблемы психиатрии и психопатологии (сб. статей). М., Биомедгиз, 1935; *Нейфельд И.* Достоевский. Психоаналитический очерк. Под ред. З. Фрейда. Л.—М., «Петроград», 1925; *Бехтерев В. М.* Достоевский и художественная психопатология.— См. В. М. Бехтерев о Достоевском (публ. С. Белова и Н. Агитовой).— «Русская литература», 1962, № 4, с. 131—141.

¹⁷ Чиж В. Указ. соч., с. 4, 5, 18.

¹⁸ «Новое Время», 1900, 5 ноября, № 8870. Лекция В. Чижа «Достоевский как криминолог» в Юрьевском университете (*Чиж В.* Достоевский как криминолог.— «Вестн. права. Журнал Юридического общества при Императорском С. Петербургском университете». СПб., 1900, янв., № 1, т. XXXI).

¹⁹ *Ломброзо Ц.* Новейшие успехи науки о преступнике (*L'Anthropologie criminelle et ses récents progrès par C. Lombroso*) СПб., 1892 (пер. С. Л. Раппопорта). Гл. III. Общие свойства. Патология преступного человека. Гл. IV. Эпилептики и преступники.

Как видно из программы, Тарле в своей лекции коснулся также и этого вопроса, а ссылаясь на мнение современной медицинской науки «о правдивости изображения у Шекспира и Достоевского галлюцинаций и психологии преступления», он мог иметь в виду также и сочинения одного из виднейших последователей Ч. Ломброзо, итальянского психолога-криминалиста Э. Ферри, выступившего в 1890-е годы в Европе с лекциями о преступных типах в жизни, науке, искусстве и литературе. В 1896 г. в Москве появилась (в переводе с французского) его книга «Преступники в искусстве», где немало страниц посвящено Достоевскому. Ферри, много лет наблюдавший преступников и изучавший отражение различных типов преступления в искусстве с точки зрения данных о психологии преступления, указывал, что Шекспир и Достоевский создали такие типы преступников, которые чрезвычайно редко встречаются в искусстве и с трудом поддаются научным наблюдениям. «До открытия уголовной антропологии, разве только гений Шекспира (в Макбете) и личные наблюдения Достоевского над сибирскими злодеями знали о существовании такого рода преступников»²⁰. По мнению Ферри, Достоевский в создании иных преступных типов предвосхитил данные науки, а в умении представить в романе психологию преступления является «вторым Шекспиром»²¹. О том, что ни один психиатр не отказался бы поставить под сочинениями Достоевского свое имя, писал в 1890-е годы и А. Ф. Кони, также упомянутый в программе лекции Тарле. Как отмечал Кони, именно Достоевский сумел создать «картину внутренней движущей силы преступления и того сцепления нравственных частиц, в которой эта сила встречает себе противодействие»²², что особенно необходимо при выявлении истины в уголовном деле. В. Чиж, на которого дважды ссылается Е. В. Тарле, указывал в своем исследовании, что ни в письмах Достоевского, ни в воспоминаниях о нем его современников нет ни единой строчки о том, были ли ему знакомы какие-либо исследования в области психиатрии. Однако страницы и черновики «Преступления и наказания» свидетельствуют, что Достоевский хорошо знал исследования тех ученых, которых называют предшественниками Ломброзо.

Работа Достоевского над «Преступлением и наказанием» совпала с обсуждением в русской и европейской печати вопроса о системе наказаний, в результате чего изучению личности преступника стало уделяться большое внимание²³. Еще в 1860-е годы, до появления известного сочинения Ломброзо *L'Uomo delinquente* (1876 г.), учеными высказывались отдельные положения нового учения. В романе прямо указаны имена А. Вагнера — немецкого популяризатора учения, бельгийского экономиста А. Кетле, «отца нравственной статистики», как называли его в Европе, и тот сборник, где на основе статистических данных провозглашался выдвинутый А. Кетле «закон постоянства преступлений»²⁴. Устами

с. 89—90; *его же*. *L'Homme criminel*. Paris, 1887, Etude... médico-legale, criminelne, Fou Moral, Epileptique, т. III, гл. XIV, с. 635.

²⁰ *Ферри Э.* Преступники в искусстве (пер. с франц.). М., 1896, с. 11, 23; *его же*. Преступные типы в искусстве и литературе. Пер. с итал. СПб., 1908, с. 40, 44. См. также *Garofalo R.* *La Criminologie, etude sur la nature du crime et la theorie de la penalite*, Paris, 1888, р. 70—84, Deuxieme partie, т. II, гл. II. Эта книга была в библиотеке А. Г. Достоевской. Очевидно, была приобретена ею по совету Е. В. Тарле, помогавшего ей в составлении ее «Библиографического указателя».

²¹ *Кони А. Ф.* Достоевский как криминалист. Речь, произнесенная 2-го февраля 1881 г. на собрании Юридического общества.— «Журнал гражданского и уголовного права». СПб., 1881, год XI, кн. 2, март-апрель, с. 10—27.

²² *Чиж В.* Достоевский как психопатолог, с. 119.

²³ См. Наш комментарий к роману «Преступление и наказание» (М., «Наука», сер. «Лит. памятники», 1970, с. 740, 752, 754, 753, 769, 766).

²⁴ См. в «Преступлении и наказании» (указ. изд.)— часть пятая, глава третья, с. 310: «...занести им „Общий вывод положительного метода“ и особенно рекомендовать статью Пидерита (а впрочем тоже и Вагнера)»; имеется в виду сб.: Р. Вирхов, Клод Бернар, Я. Молешотт, М. Пидерит, А. Вагнер. «Общий вывод положительного метода». Перевод

Раскольников Достоевский полемизирует с подобными теориями. Полемика, развернувшаяся в русской печати вокруг Кетле и его последователя А. Вагнера, также нашла отражение в романе. В «Преступлении и наказании» есть намек и на книгу Н. Неклюдова «Уголовно-статистические этюды» (СПб., 1865), в которой автор выступил против теории Кетле, назвав ее «оскорблением человеческого достоинства и ложною в самом ее основании», и на статьи, в которых велась дискуссия о причинах преступления: являются ли таковые «следствием психических ненормальностей в человеческом организме или условий среды»²⁵. Среди многих статей на эту тему была и появившаяся в 1865 г. в «Русском слове» рецензия Н. В. Шелгунова (в романе имеется намек на эту статью, «буквой подписанную») «Френологическая оценка человеческих поступков» на книгу *Le monde des Coquins par Moreau Christophe*, Paris, 1864 (в 1867 г. она появилась уже в русском переводе). Морор-Кристоф, рассуждая о «математически доказанном моральном значении разных физических признаков, представляемых анатомической организацией человека», рассказывал в своей книге о французском убийце Ласенере, личность которого глубоко интересовала Достоевского. В журнале «Время» еще в 1861 г. было напечатано в русском переводе изложение нашумевшего во Франции в 1830-е годы судебного процесса над этим преступником, для которого «убить человека» было то же, что «выпить стакан вина». Достоевского особенно заинтересовало то, при каких обстоятельствах он причислил себя «к группе людей исключительных, натур необыкновенных». Этот процесс, освещающий «темные стороны человеческой души», продолжал интересовать Достоевского и при создании романа «Подросток»²⁶. «Известно, между прочим,— указывает В. М. Бехтерев,— что Достоевский впервые отметил такой преступный тип, который убийство считает самым обыкновенным делом. Позднее этот тип перешел в науку в сочинениях Ломброзо о преступном типе»²⁷. В романе «Подросток» Достоевский упоминает и о френологии. По свидетельству доктора С. Д. Яновского, Достоевский еще в молодости глубоко интересовался болезнями мозга и нервной системы, изучал научную литературу по этим вопросам: «Федор Михайлович часто брал у меня книги медицинские, особенно те, в которых трактовалось о болезнях мозга и нервной системы, о болезнях душевных и о развитии черепа по старой, но в то время бывшей в ходу системе Галла»²⁸. Учением австрийского врача и анатома Франца Иосифа Галла (1758—1828) увлекались в России в 1860-е годы многие писатели. (Нельзя не заметить, что многие рисунки Достоевского в черновых тетрадях, изображавшие лица, сделаны не без влияния теории Галла.) В «Преступлении и наказании» встречается намек и на «Юридический вестник», журнал, в котором в 1860-е годы постоянно печатались статьи о «психологическом состоянии преступника»²⁹. Но, как утверждал А. Ф. Кони, теорию Ломброзо Достоевский отвергал. По справедливому замечанию В. Чижа, задумывавшегося над тем, признавал ли сам Достоевский, какой глубиной отличались его познания в области психиатрии, в сочинениях писателя не видно ничего вычитанного, заимствованного, чужого. Ценное свидетельство об этом мы находим и в переписке Достоевского с врачами. Так, 19 декабря 1880 г.

под ред. Н. Неклюдова. СПб., 1866 г. Достоевскому, очевидно, была известна также книга Вагнера «Die Gesatzorässigkeit in der Scheinbar Wilkukreichen menschlichen Handlungen» еще до появления в русской печати извлечений из нее.

²⁵ См. «Преступление и наказание». Указ. изд., с. 752.

²⁶ См.: «Время», 1861, № 2, с. 18. Предисловие Достоевского к статье «Процесс Ласенера»; «Лит. наследство», т. 77, М., «Наука», 1965, с. 310. Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. «Лит. наследство», т. 77, «Наука», 1965.

²⁷ Бехтерев В. М. Достоевский и художественная психопатология. Указ. изд., с. 138.

²⁸ Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском.— В кн.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., ГИХЛ, 1964, т. 1, с. 163.

²⁹ «Юридический вестник», изд. Н. В. Калачов, СПб., 1862—1864.

Достоевский получил письмо от врача А. Ф. Благодрава из Юрьева-Польского, сообщавшего, что «...изображение... галлюцинации, происшедшей с И. Ф. Карамазовым вследствие сильной душевной напряженности... создано так естественно, так поразительно верно, что, перечитывая несколько раз это место вашего романа, приходишь в восхищение. Об этом обстоятельстве я могу судить поболее других, потому что я медик. Описать форму душевной болезни, известную в науке под именем галлюцинаций, так натурально и вместе так художественно, вряд ли бы сумели наши корифеи психиатрии: Грингеры, Крафт-Эбинги, Лораны и Сенкеи и т. п., наблюдавшие множество субъектов, страдавших нарушенным психическим строем...»³⁰.

Письмо врача особенно обрадовало Достоевского, потому что «за ту главу Карамазовых (о галлюцинации)... его ...пробовали уже было обозвать ретроградом и изувером, дописавшимся „до чертиков“...». «Вас, особенно, как врача,— писал он Благодраву,— благодарю за сообщение Ваше о верности изображенной мною психической болезни этого человека. Мнение эксперта меня поддержит, и согласитесь, что другой этот человек (Ив. Карамазов) при данных обстоятельствах, никакой иной галлюцинации не мог видеть, кроме этой»³¹. Письмо это хранится в музее Достоевского. Оно поступило в музей в 1951 г. и впервые было опубликовано лишь в 1959 г. Только в 1920 г. стало известно письмо Достоевского к Н. А. Любимову, редактору «Братьев Карамазовых», которого Достоевский заверял, посылая ему главу «Черт. Кошмар Ивана Федоровича», что «медицинское состояние» Ивана «проверял у докторов... Они утверждают, что не только подобные кошмары, но и галлюцинации перед „белой горячкой“ возможны. Мой герой, конечно, видит и галлюцинации, но смешивает их с своими кошмарами. Тут не только физическая (болезненная) черта, когда человек начинает временами терять различие между реальным и призрачным (что почти с каждым человеком хоть раз в жизни случалось), но и душевная, совпадающая с характером героя: Отрицая реальность призрака, он, когда исчез призрак, стоит за его реальность. *Мучимый безверием, он (бессознательно) [желал бы] желает в то же время, чтоб призрак был не фантазия, а нечто в самом деле*»³². Так сам Достоевский объясняет, что обращение к описанию душевных болезней — явлений необычных, исключительных, взятых из самой жизни и в то же время находящихся словно бы на грани реального, «фантастических», как он называл подобные явления,— составляло одну из особенностей его художественного метода. Достоевского интересуют не простые, обычные патологические расстройства психики, а «болезни духа», порожденные социальной действительностью. Как справедливо указывают современные психиатры, «Достоевский не психопатолог, а гениальный знаток человеческой души, описывающий состояния, когда норма выглядит патологией, однако далека еще до психиатрической клиники»³³.

В. М. Бехтерев отмечает, что Достоевский «прежде всего художник. Он дал нам то, чего наука... дать не могла, ибо область художественного воспроизведения действительности есть дело художника, а не врача, притом же для тех творений, которые вышли из-под пера Достоевского, нужна гениальность и притом гениальность особого рода, гениальность художника, а не аналитический гений науки»³⁴. Это признание мы находим и в трудах Э. Ферри: «... мы знаем, почему психологический роман Достоев-

³⁰ «Лит. наследство», т. 86, с. 490.

³¹ *Достоевский Ф. М.* Письма, т. IV, 1878—1881. Под ред. и с примечаниями А. С. Долинина, М., Гослитиздат, 1959, с. 221.

³² Там же, с. 190.

³³ *Зурбашивили А. Д.* Актуальные проблемы персонологии и клинической психиатрии (гл. «О некоторых общих проблемах персонологии в творчестве В.Шекспира, И. Гете, Ф. Шиллера и Ф. М. Достоевского»). Тбилиси, «Мецниереба», 1970, с. 101.

³⁴ *Бехтерев В. М.* Указ. соч., с. 138.

ского так могуществен, потому что автор черпает силу в верном воспроизведении действительности»³⁵.

Таким гениальным художником и психологом и рисует Тарле в своей лекции Достоевского, как свидетельствует дошедшая до нас ее программа. Обращаясь к исследованиям психиатров и криминалистов, он рассматривает открытия Достоевского в области психопатологии и криминалистики прежде всего в связи с его художественными открытиями, с его психологическим реализмом и в связи с развитием психологического реализма во всемирной литературе. Он анализирует те новые запросы и требования, какие были предъявлены к европейской художественной литературе после Шекспира, обращаясь к «мнению Лессинга о Шекспире», имея, несомненно, в виду его высказывания о Шекспире в «Гамбургской драматургии»³⁶.

А. Г. Достоевская, получив от Е. В. Тарле программу его лекции, подарила молодому восторженному исследователю автограф писателя. «У меня есть подлинники: „От меня вечер Лейла равнодушно уходила“ Пушкина, личное письмо ко мне Льва Толстого и подаренная мне Анной Григорьевной Достоевской страничка рукописи „Карамазовых“», — рассказывал Е. В. Тарле в 1934 г. В. Д. Бонч-Бруевичу³⁷. Это отрывок главы девятой, книги девятой «Увезли Митю». Ныне он хранится в рукописном отделе ИРЛИ³⁸.

Дошедшая до нас программа лекции «Шекспир и Достоевский» убедительно свидетельствует, что Е. В. Тарле, превосходнейший знаток русской литературы, знавший наизусть всего Пушкина, зачитывавшийся Герценом, глубоко понимал и творчество Достоевского, ценя его необычайно высоко.

³⁵ *Ферри Э.* Преступники в искусстве. Указ. изд., с. 41.

³⁶ *Лессинг Г.* Собр. соч. Перев. русских писателей. Под ред. П. Н. Полевого. СПб., 1904, 2-е изд., т. 9.

³⁷ Е. В. Тарле — В. Д. Бонч-Бруевич. 25 янв. 1934. ЦГАЛИ.

³⁸ Пушкинский дом. Р. 1., оп. 6, № 319.